

- ⁷ Вятская жизнь. 1906. 28 марта; 8 апр.
- ⁸ Уральский край. 1907. 14 авг.
- ⁹ Там же. 5 июня.
- ¹⁰ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники. С. 97, 98.
- ¹¹ Там же. С. 98.
- ¹² Там же.
- ¹³ Подробнее см.: Нарский И. В. «Революционеры справа»... С. 61–65.
- ¹⁴ См.: Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. С. 87, 88.
- ¹⁵ Подробнее см.: Там же. С. 250–259.
- ¹⁶ Вестник Уфы. 1909. 1 янв.; Вятская речь. 1910. 1 янв.; 1911. 1 янв; Оренбургский край. 1910. 1 янв.; Уральская жизнь. 1910. 1 янв.; Уфимский вестник. 1912. 1 янв.
- ¹⁷ См., напр.: Андреева Т. А. Идеино-политическая борьба между кадетами и социал-демократами Екатеринбурга на выборах в IV Думу (1912 г.) // Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата. Пермь, 1989. С. 12–20.
- ¹⁸ Уральская жизнь. 1908. 5 нояб.
- ¹⁹ ГАРФ. ДП ОО. 1916, д. 9, ч. 86, лит. «А», л. 3.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 185, оп. 1, д. 89, л. 2–7.
- ²¹ Вятский вестник. 1906. 10 янв.
- ²² Маклаков В. А. Первая Государственная дума: (Воспоминания современника). Париж, 1939. С. 147.
- ²³ Вятский вестник. 1907. 16 янв.
- ²⁴ Камский край. 1906. 11 нояб.
- ²⁵ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале, 1917–1918: (Опыт военно-ист. исслед.). М., 1995. С. 51.

Характер социокультурного развития России на рубеже XIX–XX вв.: конкретно-исторические и методологические аспекты

О. С. Поршнева

Уральский государственный технический университет – УПИ

Широкое представление о социокультурных процессах включает комплекс характеристик функционирования и развития общества как социокультурной системы. В результате либеральных ре-

© О. С. Поршнева, 2006

форм 60–70-х гг. XIX в. и их продолжения в начале XX в. в России происходила масштабная социокультурная трансформация, сопровождавшаяся появлением новых социальных слоев и интересов, разрушением традиционного уклада, кризисом системы представлений и ценностей массовых слоев населения. Происходило «переструктурирование» общества, его реорганизация на новых основаниях. Этот процесс характеризовался противоречивостью, несогласованностью и различием динамики социальных трансформаций в отдельных частях общественного организма, разных регионах. Неустойчивость и нестабильность общественных институтов и отношений ослабляли мобилизационные возможности государства, что особенно отчетливо проявилось в условиях войн начала XX в., в поражении России в Русско-японской войне, исходе для нее Первой мировой войны. Революции начала XX в. не только выявили господствующие интенции народного сознания, но и продемонстрировали массовые стратегии поведения, идущие вразрез с той моделью буржуазных преобразований, которую осуществляла правящая элита.

Как объяснить характер развития страны в этот переходный период? На наш взгляд, исследование социальных и социокультурных трансформаций, переживаемых Россией во второй половине XIX – начале XX в., должно вестись с использованием целого ряда теоретических подходов, выработанных современной наукой. Одним из них, обладающим высоким эвристическим потенциалом, является концепция модернизации, фокусирующая внимание на процессе становления и развития в России современного индустриального общества. Модернизация, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, – основное содержание российского исторического процесса в новое и новейшее время, его стержень применительно к истории страны в конце XIX – XX в. Как отмечает А. С. Сеньявский, «реальная гносеологическая ценность данной теории определяется реальностью фактора внешнего давления «авангардных» стран, продвинувшихся по исторической траектории движения теократической цивилизации, на страны-аутсайдеры»¹.

Процесс модернизации России, получивший мощный импульс в 60-е гг. XIX в., к началу XX в. обеспечил как очевидные успехи в продвижении страны к новому уровню экономического развития, так и взрывоопасный рост социальной напряженности, накопле-

ние противоречий и диспропорций в различных сферах общественной жизни. В последние 25–30 лет перед Первой мировой войной весьма значительными (около 3,5 % в год) были темпы роста основного капитала в России, капиталовооруженности труда (1,9–2,0 % – по этому показателю царская Россия превосходила другие крупные страны Запада в период их «промышленного рывка»), имел тенденцию к ускорению среднегодовой темп прироста подушевого валового внутреннего продукта (ВВП)². Более интенсивно стало развиваться и сельское хозяйство. Темпы роста его продукции впервые за длительную историю России обгоняли темпы роста численности населения. В 1885–1900 гг. соответствующие показатели составляли 2,5–2,6 и 1,3–1,4 %, в 1900–1913 гг. – 2,9–3 и 1,9–2 %³. За период с 1885 по 1913 г. средняя урожайность зерновых поднялась в 1,7–2 раза, причем увеличение совокупного продукта земледелия было на 2/3 связано с расширением обрабатываемых площадей и примерно на 1/3 с ростом продуктивности земли⁴.

Рост вовлеченности крестьян в товарно-денежные, рыночные отношения (в значительной мере вынужденный, обусловленный форсированным насаждением капитализма «сверху») не подлежит сомнению так же, как и сохранение в деревне многочисленных форм докапиталистической, полуфеодальной эксплуатации и кабальной зависимости. Определяющей становилась тенденция перемещения центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйство крестьянское, в то время как площадь помещичьего землевладения неуклонно сокращалась, а крестьянского – росла. Накануне Первой мировой войны крестьяне производили 92,6 % совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства, помещики – только 7,4 %⁵. Аграрный сектор в начале XX в. характеризовался сравнительно высокой динамикой экономического роста в силу ряда факторов: благоприятной для сельского хозяйства мировой рыночной конъюнктурой, рядом урожайных лет, образованием в связи с развитием индустрии внутреннего рынка для сельскохозяйственных продуктов, ростом торгового капитализма, товарности крестьянского хозяйства, развитием кооперации.

Вместе с тем этот рост был нестабильным, что в значительной мере объяснялось незавершенностью модернизации сельскохозяйственного сектора экономики России, остротой аграрного вопроса.

Основная масса земледельцев-крестьян великорусских губерний страдала от малоземелья. Аграрное перенаселение к началу 1913 г. составляло 32 млн человек или 55,9 % трудоспособного населения российской деревни⁶. Решение проблемы малоземелья в массовом сознании самих крестьян и «прогрессивных» кругов русского общества связывалось с тем или иным способом отчуждения избыточной земли у крупных землевладельцев, прежде всего помещиков. Тем временем землевладение дворян с 1861 по 1915 г. сократилось более чем в 2 раза, с 87 до 42 млн десятин, из 107 тыс. дворян – собственников земель в начале XX в. к латифундистам (имение свыше 500 десятин) можно было отнести 18 тыс. (84 % всех дворянских земель), 33 тыс. имели имения менее 20 десятин каждое⁷. В силу разнообразия природно-климатических условий в России наметились различные варианты капиталистической трансформации крестьянского хозяйства. Наряду с существованием районов с ярко выраженным аграрным перенаселением (Черноземный Центр, Поволжье и др.), значительные территории оставались малонаселенными (Степное Предкавказье, Заволжье, Сибирь и др.). Существенные различия в плодородии почвы, климате, местоположении определяли своеобразие структуры хозяйственных занятий и доходов крестьянина.

Это разнообразие природно-климатических, демографических и экономических условий сформировало разные формы социальной эволюции крестьянского хозяйства России под воздействием капитализма. Основным типом социальной организации крестьянского хозяйства земледельческого Центра и других районов с аграрным перенаселением было традиционное семейное хозяйство, интегрированное в поземельную общину, слабо втянутое в рыночные отношения, опутанное, как правило, различными видами докапиталистической кабальной эксплуатации. Дифференциация таких хозяйств также во многом имела докапиталистическую основу, определялась жизненным циклом крестьянской семьи. В ответ на наступление государства и рынка на деревню (рост налогообложения вынуждал все большую часть продукции отчуждать для продажи, значительно возросли с конца XIX в. арендные цены на землю и т. д.) крестьянство в ряде районов пошло по пути общинной консолидации: укрепления общинных связей и механизмов соци-

ального регулирования в целях обеспечения гарантий выживания для всех ее членов. Так, в пореформенный период и особенно с последнего десятилетия XIX в. община усилила свое регулирующее воздействие на крестьянское производство⁸. В первую очередь эта тенденция проявилась в нечерноземных губерниях. В начале XX в. главная часть надельной земли использовалась по принципу общинного землепользования: из 136,9 млн десятин на общинное пользование приходилось 114,1 млн⁹. В районах Юга, Юго-Востока, Востока и Северо-Запада, где было в наибольшей степени развито подворное землепользование, капиталистические формы земледелия получили значительное распространение. Здесь происходила эволюция крестьянских хозяйств в направлении хозяйств фермерского типа с высоким уровнем товарности, специализацией производства, использованием кредитных капиталов, машин, шел процесс разложения общины, ослабления общих связей и традиций, а социальная дифференциация происходила на капиталистической основе.

Российское крестьянство в начале XX в. по-прежнему составляло абсолютное большинство населения страны. В социальной структуре населения на его долю приходилось около 78 %, в том числе в Европейской России – 84,16 %¹⁰. Всего же в России в сельской местности в 1913 г. проживало 85 % населения, в том числе в Европейской России – 85,6 %, в Сибири – 88,1 %¹¹. По данным переписи 1897 г., в национальном составе России преобладало русское население (47 %), а русские, украинцы, белорусы составляли 71 % населения империи, при этом абсолютное большинство каждой национальности составляли крестьяне¹².

В XIX – начале XX в. успехи в развитии грамотности в России были довольно значительными: среднегодовой темп роста грамотности сельского населения составлял около 1,8 %, всего населения – 1,6 %¹³. В то же время удельный вес грамотных среди крестьян продолжал оставаться невысоким. В 1897 г. он составлял в 50 губерниях Европейской России 17,4 %¹⁴. В период 1908–1913 гг. по 12 губерниям Европейской России грамотные составляли 24–25 % от общей численности сельского населения, причем по отдельным губерниям этот показатель колебался от 14,8 % (Пензенская) до 41,7 % (Московская)¹⁵. Расхождение в показателях грамотнос-

ти для мужчин и женщин было исключительно большим: в среднем по рассмотренной группе губерний грамотных среди мужчин было 38%, а среди женщин – 9 %¹⁶. Таким образом, мы видим, с одной стороны, значительный рост уровня грамотности среди мужского крестьянского населения, с другой – почти поголовную (на 9/10) неграмотность женщин в сельских местностях России того времени. В целом же три четверти населения деревни продолжало оставаться неграмотным, что во многом определяло его духовный облик, способствовало консервации его патриархальности.

Крестьянство испытывало затруднения в ориентации в системе изменившихся отношений с внешним – «большим» миром, в которой привычные установки восприятия действительности порой оказывались недостаточными либо не срабатывали. Новые тенденции в процессе эволюции крестьянской ментальности, особенно явственно обнажившиеся в период Первой русской революции, сигнализировали о начале коррозии ряда базовых ценностей крестьянства, изменении структуры его сознания в пользу революционно-обновленческих идей и представлений¹⁷. На наш взгляд, можно согласиться с выводом, сделанным в специальном исследовании О. Г. Буховцом о том, что «совокупным результатом действия факторов “модернизаторского” типа и явился тот факт, что борьба миллионов крестьян в 1905–1907 гг. впервые в истории пореформенной России перестала носить исключительно экономический характер и поднялась по ряду параметров до уровня политического движения»¹⁸. В то же время следует констатировать, что сохранение общины как основной социальной ячейки в деревне определяло не только жизненный уклад подавляющей части ее населения, но и устойчивость архетипов общинной ментальности, поэтому новые тенденции были не способны разрушить традиционалистские парадигмы сознания, существовали параллельно и во взаимодействии с ними. Элементы нового в сознании сочетались как с видоизмененными, так и с изоморфными социальной архаике формами традиционного менталитета. Господствующими оставались ценности социальной справедливости, уравнительного распределения жизненных ресурсов, представление о трудовом уравнительном землепользовании как гарантии справедливых общественных отношений, традиционная мотивация хозяйственной деятельности, понимание свободы как «воли».

Как показали Л. В. Данилова и В. П. Данилов, общинный архетип с присущими ему формами сознания на доиндустриальных стадиях лежит в глубинной основе всего социального организма, а в индустриальных обществах, уже изживших общину как структурный элемент, общинное начало в «снятой» форме присутствует в общественных отношениях¹⁹. В России, совершавшей в рассматриваемый период переход от доиндустриального к индустриальному обществу, с абсолютным преобладанием в составе населения общинного крестьянства, крестьянский менталитет, включающий универсальные архетипические черты, составлял основу ментальности масс, населявших империю.

Социальная трансформация российского общества в период модернизации включала в качестве важнейшей составляющей формирование индустриального рабочего класса, занятого в крупной фабрично-заводской промышленности и других сферах капиталистического хозяйства, с особым обликом, образом жизни, обычаями, нравами, менталитетом. Этот процесс, интенсивно протекая в ходе промышленного переворота и бурного промышленного роста, завершился в России в основных чертах к середине 90-х гг. XIX в. Рабочий класс новой, индустриальной эпохи был динамично развивающейся социальной общностью, облик которой определялся под воздействием многообразных факторов социального, экономического, политико-правового и культурного порядка.

В последние годы появились работы, посвященные изучению различных аспектов социокультурного облика рабочих России на рубеже XIX–XX вв.²⁰ В них были обозначены факторы, определявшие его формирование в данный период, основные черты и направленность эволюции. Определяющими обстоятельствами этого процесса, по мнению авторов, были: относительно низкий уровень экономического развития страны, особенности социальной структуры населения, самодержавно-монархический политический строй, огромное влияние крестьянско-ремесленных традиций и крестьянской общинной психологии на образ мыслей, стереотипы восприятия действительности и модели поведения рабочих, неоднородность самого рабочего класса, сохранение связи значительной части рабочих с землей и деревней, влияние революционного опыта 1905–1907 гг.

Для наемных рабочих, составлявших в 1900 г. около 14 млн (в том числе около 3 млн фабрично-заводских рабочих) из 133 млн человек всего населения страны²¹, был характерен ряд общих черт духовного облика и представлений по кардинальным вопросам социальной, экономической и политической жизни, определявших их поведение²². До революции 1905–1907 гг. к их числу можно отнести почитание Бога и царя, уважение к хозяевам и представителям властей, нравственно-бытовой традиционализм²³. В то же время, по данным авторов, некоторые из этих устойчивых в прошлом представлений, имевших своим источником крестьянскую психологию и мораль, именно в рассматриваемое время пришли в явное противоречие с условиями, в которых жила и трудилась основная масса рабочих. Рабочие начинали остро чувствовать и сознавать свое тяжелое экономическое положение, материально-бытовую неустроенность и правовое бесправие²⁴. При некотором различии менталитета разных слоев рабочих у них на рубеже XIX–XX вв., по данным исследователей, можно выделить некоторые общие черты: стремление к материальному достатку, к обустроенной «человеческой» жизни, к защите своего достоинства, прав человека и рабочего, к объединению²⁵. Отсутствие у большинства рабочих сколько-нибудь заметной и прочной приверженности к собственности объясняется их низким уровнем жизни, бытовой неустроенностью, отсутствием недвижимого имущества, невозможностью скопить денег, отсутствием частнособственнической традиции, сохранявшимися общинными представлениями²⁶. С этим было связано и негативное отношение рабочих к чужой собственности. Влияние модернизационных процессов, в том числе «революции ожиданий»²⁷, характерной для урбанизированных рабочих крупных промышленных центров, социальные корни большинства рабочих определяли неприятие ими своего нового положения, отрицание эксплуатации, активную борьбу за улучшение условий существования. Начало XX в. ознаменовалось беспрецедентным ростом массового пролетарского протестного движения. По подсчетам И. М. Пушкаревой, за 10 лет, предшествовавших Первой российской революции, в производственных конфликтах, из которых почти 90 % приходится на стачки, приняло участие в 68 губерниях и областях России более 1,5 млн рабочих практически всех профессий. Большинство ста-

чечников (примерно 90 %) боролись исключительно за улучшение условий своего труда и быта, но медленно и неуклонно росла и степень политизации рабочего движения²⁸.

В рассматриваемый период все более широкие слои рабочих проявляли стремление к образованию, выразившееся в росте их грамотности и активном приобщении к различным формам городской культуры, характерным для привилегированных слоев (театру, чтению книг, газет, журналов и др.). С этим процессом рабочие не только связывали надежды на духовно богатую и осмысленную жизнь, но и повышение производственной квалификации, улучшение материального положения. В отличие от крестьян они имели больше возможностей для этого, темпы культурного развития рабочих были более высокими. Если в 1897 г. среди рабочих России грамотными были 51,9 % (что почти в 2,5 раза превосходило средний уровень грамотности населения страны в целом), в том числе 59,9 % мужчин и 34,9 % женщин²⁹, то в 1918 г. – 64 %, в том числе 79,2 % мужчин и 44,2 % женщин³⁰. В Петербурге грамотными уже в 1914 г. были 82 % рабочих-мужчин и 56 % работниц³¹.

В то же время нельзя упрощать проблему отношения рабочих к культуре, их духовного развития. Последнее было весьма противоречивым. Несмотря на ростки нового в этой сфере, стремление к знаниям, проявлявшееся растущим слоем передовых рабочих (как правило, наиболее урбанизированных и политизированных), приобщение большинства из них к духовной культуре происходило трудно и неоднозначно. В рабочей массе сохранялось недоверие к знаниям, основанное на книгах. Противоречивым, как показывает ряд авторов, было и отношение к интеллигенции³². Представляется обоснованным вывод, сделанный в исследовании Т. В. Бойко, о том, что на рубеже XIX–XX вв. рабочий класс был фактически отлучен от большой культуры: ограниченность культурных запросов, примитивный быт, пристрастие к алкоголю, грубость нравов были неотъемлемыми чертами духовного облика «среднего» российского рабочего³³.

Основные тенденции изменения и устойчивые характеристики социокультурного облика наиболее массовых слоев населения – крестьян и рабочих – во многом отражали и определяли характер трансформации социокультурной сферы российского общества в период раннеиндустриальной модернизации.

В применении модернизационной парадигмы к анализу процессов социокультурного развития страны в рассматриваемый период ключевое методологическое значение имеет проблема преемственности и разрыва (эволюции и революции), соотношения традиций и новаций. Теоретическая эволюция западной школы модернизации в 1970–1990-е гг. привела к пересмотру роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придании ему большего значения³⁴. Стало ясно, что модернизация, связанная с перестройкой социума, неизбежно нарушает его стабильность. Поэтому в интересах общественного развития она должна базироваться не на механическом копировании передовых моделей, а на выстраивании собственной модели преобразований, соответствующей базовым социокультурным основаниям общества, его традициям и ценностям. В противном случае происходит срыв модернизации, разрыв преемственности, сопровождаемый революционными взрывами, анархией и дезинтеграцией общества. Результаты анализа социокультурных аспектов модернизационных процессов в России начала XX в. показывают, что революция 1917 г. стала в определенном смысле реакцией отторжения российским обществом модели буржуазной модернизации, противоречащей не «переваренным» еще в котле социальных трансформаций традиционным стереотипам поведения, ценностям и представлениям. Актуализация последних произошла в годы Первой мировой войны, когда в условиях масштабных человеческих потерь, режима перенапряжения и лишений военного времени главным требованием массового сознания стало «справедливое распределение тягот войны». От его соблюдения, в представлениях масс, стала зависеть легитимность власти, всего общественного порядка. В судьбе участия страны в войне и, в конечном счете, модернизации, осуществлявшейся на рубеже XIX–XX вв., сказались и незавершенность процесса формирования буржуазной нации, когда отдельные слои общества существовали как бы в различном социально-темпоральном пространстве, и острота социальных противоречий, препятствовавшие формированию национального консенсуса по основным проблемам участия страны в войне, устойчивой морально-политической консолидации большинства населения.

В то время как концепция модернизации позволяет раскрыть содержание, направленность и противоречия в процессе обще-

ственных изменений, происходивших в России в рассматриваемый период, другой продуктивный подход – цивилизационный – способствует осмыслению социокультурных характеристик и особенностей российской модернизации.

Несмотря на то очевидное обстоятельство, что данные подходы порождены различными научными парадигмами и являются разными моделями исторического объяснения, их теоретическая эволюция в последние десятилетия определила их сближение и пересечение по ряду позиций, что дает возможность их использования на основе взаимодополнительности для изучения различных аспектов сложных и многообразных процессов социальных трансформаций. Об эволюции школы модернизации в направлении все большего учета социокультурных традиций мы уже упоминали. Существенную эволюцию претерпел и цивилизационный подход. И. В. Побережников отмечает, что «в современных вариантах цивилизационного подхода делаются шаги в сторону его историзации, признания сложной динамики цивилизаций, не сводимой к элементарному круговороту, признания огромной устойчивости цивилизаций во времени, способных многократно усиливаться, ослабляться, иногда стагнировать, выживать и возрождаться в своих компонентах»³⁵. То есть наряду с существованием универсальных механизмов и закономерностей, существуют механизмы, обеспечивающие сохранение цивилизационных идентичностей³⁶. Без цивилизационного подхода – рассмотрения России как устойчивой социокультурной общности³⁷ – значимость их действия и влияние на процесс модернизации России на рубеже XIX–XX вв. изучить невозможно. А. Н. Сахаров отмечает, что цивилизационный подход должен быть положен в основу понимания и периодизации российской истории, рассматриваемой как часть всемирной истории человечества³⁸.

Возможность сопряжения данных подходов определяется и тем, что трансформация обществ в период перехода от традиционности к современности характеризуется сложной динамикой. Как подчеркивает А. С. Сеньявский, разные сферы и уровни общественной жизни обладают разной степенью инерционности. При этом, пишет исследователь, «особенно инерционны фундаментальные основы общественной жизни, связанные с ее “матричными” структурами

(прежде всего, с ключевыми социокультурными параметрами, с моделями воспроизводства населения, семьи, форм расселения и др.). Массовая психология, структура социальных ценностей, традиции на бытовом уровне оказываются более устойчивыми, нежели политические и даже социально-экономические институты общества, и существенные сдвиги именно в этих социальных пластах составляют более важный аспект трансформаций, нежели изменения в законодательстве, политическом устройстве и даже в отношениях собственности»³⁹. Только изменение означенных структур, наполнение их новым, современным содержанием означает глубокую качественную трансформацию общественного организма. В России на рубеже XIX–XX вв. экономические преобразования существенно опережали перестройку социальных отношений, уклада, образа жизни большинства населения, изменение его психологии и ментального облика, создавая болезненные диспропорции и противоречия в ходе модернизации. Проявлением существенной социокультурной специфики России было и то, что аграрное развитие и его противоречия оказывали сильнейшее воздействие на весь ход исторического развития страны в конце XIX – XX в., несмотря на усиливавшееся вытеснение деревни городом, а во многом и в связи с ним⁴⁰.

Другой методологический подход, позволяющий изучать динамику социальных трансформаций в России, в том числе в период реформ, революционных и военных потрясений начала XX в., сформировался сравнительно недавно на основе постнеклассической научной парадигмы конца XX в. Это теория синергетики, появившаяся первоначально в рамках физики и ставшая затем методологическим основанием междисциплинарных исследований, оказывающим влияние на развитие теоретических концепций всех отраслей науки, от физики до психологии⁴¹. Как отмечает Л. И. Бородин, возможно, пришло время говорить о зарождении исторической синергетики⁴². Специфика синергетического ракурса рассмотрения эволюционных процессов заключается в том, что в центре ее внимания находятся переходные, неустойчивые фазы развития сложных систем в точках бифуркации. В них малые причины, случайности могут оказать сильное воздействие на траекторию процесса,

в то время как в условиях «равновесия», обычно рассматриваемых традиционной наукой, даже большие флуктуации могут лишь незначительно влиять на процесс. Возникающий вблизи точки бифуркации «хаос» означает, что динамика процесса становится внутренне (а не в силу внешних причин) не предсказуемой⁴³. В полной мере этот подход может быть применен к истории России начала XX в., когда общественная система утратила устойчивость, в том числе для исследования альтернатив общественного развития, закономерностей и случайностей в ходе реформ и революций, процессов, происходивших в годы Первой мировой войны. Как показано в работах Ю. М. Лотмана, Л. И. Бородкина, М. И. Левандовского, А. Ю. Андреева и др., синергетический подход может быть методологической основой историко-культурного и историко-антропологического исследования⁴⁴, так как он связывает выбор альтернатив развития в истории с ролью тех конкретных людей, которые оказались волею судеб в гуще событий в «минуты роковые». Уникальность исторических событий определяется во многом тем, что исполнитель у каждой роли один: другой исполнитель, возможно, привел бы очередное действие «исторической пьесы» совсем к другому финалу⁴⁵. Таким образом, данный подход ориентирует не только на исследование существенных свойств исторических процессов с помощью специальных компьютеризированных методик обработки и анализа данных массовых источников, компьютерное моделирование хаотических состояний общественной системы в точке бифуркации, но и выявление мотивов поведения людей на основе анализа разнообразных источников, в ряду которых важнейшую роль играют источники личного происхождения.

Важность регионального фактора современной российской общественной жизни, понимание многообразия природных и социальных условий протекания исторических процессов в различных регионах России, на ее огромной территории, интерес к особенно-му, индивидуальному и уникальному в истории, – все это сделало актуальными проблемы локальных исследований⁴⁶. Чтобы во всей полноте воссоздать течение исторического процесса, необходимо обращаться к материалам местной истории, которые являются носителями ценнейшей информации о мотивах и условиях формирования тех или иных социокультурных институтов⁴⁷.

В последние несколько десятилетий за рубежом и около десятка лет в нашей стране существует новая локальная история как самостоятельная сфера исторического знания, особое историографическое направление, предлагающее методологию исследования «мест», соответствующую современной научной междисциплинарной парадигме. Возникнув в Великобритании в 1960-е гг. и интенсивно развиваясь в 70–80-е гг. XX в., она стала заменять старые модели исторического краеведения («старой локальной истории»). В методологии данного направления делается акцент на максимальной детализации и индивидуализации исследовательских объектов на основе интенсивного исторического анализа локальных общностей. Речь идет о всестороннем изучении той или иной локальной общности как некоего микрокосма, развивающегося социального организма, создании ее полноценной коллективной биографии. Приоритетными в рамках новой локальной истории являются два направления: раскрытие внутренней организации и функционирования социальной среды, включая исторический ландшафт и социальную экологию человека, все многообразие человеческих общностей (ассоциации, корпорации, сословия, классы); изучение индивидов, составляющих ту или иную общность, с использованием всей совокупности местных источников; описание жизненного пути человека от рождения до смерти через смену социальных ролей и стереотипов поведения в контексте занимаемого им жизненного пространства⁴⁸. В сочетании с модернизационным и цивилизационным подходами к изучению проблем регионального развития, давшими уже значительные научные результаты, исследовательские установки новой локальной истории могут быть использованы при написании истории отдельных поселений, городов, сел, отдельных районов. При условии «вписывания» анализа их развития в рассматриваемый период в более широкий контекст и проблематику, включающих учет общероссийских тенденций и региональной специфики, возможно продвижение на пути понимания общего и особенного, типичного и уникального в протекании социокультурных процессов на различных территориях России.

Таким образом, при изучении социокультурного развития России на рубеже XIX–XX вв. целесообразно использовать потенциал методологического синтеза модернизационного и цивилизационно-

го подходов в их современном понимании, позволяющий исследовать различные аспекты динамики и содержание процессов социальных и культурных трансформаций. Для выявления и изучения альтернатив общественного развития в этот период наиболее адекватным представляется использование теории и методов синергетики. Осмысление своеобразия региональных и локальных процессов предполагает использование всех указанных выше подходов, а в некоторых случаях требует использования методологического инструментария новой локальной истории.

¹ *Сенявский А. С.* Концепция модернизации и ее исследовательский потенциал в изучении российской истории XX в. (теоретико-методологический и инструментальный аспекты) // АСТІО NOVA. 2000: Сб. ст. М., 2000. С. 217.

² См.: *Мельянцева В. А.* Экономический рост России в сравнительно-ретроспективном ракурсе (XVIII – нач. XX в.) // Вопросы истории экономических и политических отношений России (XVIII – начало XX в.). М., 1996. С. 14–15.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 15–16.

⁵ *Кабанов В. В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопр. истории. 1993. № 2. С. 34.

⁶ *Кабузан Н.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 188.

⁷ *Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М.* Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 36.

⁸ См.: *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 253.

⁹ *Хромов П. А.* Экономическая история СССР. М., 1982. С. 206.

¹⁰ Россия. 1913 г.: Стат.-док. справочник. СПб., 1995. С. 219.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² *Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М.* Крестьянство России в период трех революций. С. 28–29.

¹³ *Миронов Б. Н.* Грамотность сельского населения России в XIX – начале XX века // Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 354.

¹⁴ *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956. С. 293.

¹⁵ Там же. С. 295.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 140–225.

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁹ См.: Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1997. С. 23.

²⁰ Кирьянов Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 55–76; *Он же*. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 40–51; Хеймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917. С. 28–54; *Он же*. Меньшевизм и большевизм (1903–1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 г.: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 20–56; Фирсов С. Л. Рабочие и Православная церковь в России в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917. С. 327–339; Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Там же. С. 114 – 130; Пушкарева И. М. Новый подход к анализу источников по социальной истории (жалобы, прошения, требования рабочих на рубеже XIX–XX вв. в ракурсе дискурсивных методов исследования) // Докл. Вторых Морозовских чтений. Ногинск; Богородск, 1996. С. 157–161; и др.

²¹ Рабочий класс от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1982. С. 272–273.

²² См.: Кирьянов Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв. С. 55–76; *Он же*. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 40–51; Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России. С. 115–128; и др.

²³ См.: Кирьянов Ю. И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 42.

²⁴ См.: Там же; Кирьянов Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв. С. 57; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 214, 296; Пушкарева И. М. Новый подход к анализу источников по социальной истории. С. 157–161; и др.

²⁵ См.: Кирьянов Ю. И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 44; Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России. С. 124.

²⁶ См.: Кирьянов Ю. И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 47.

²⁷ Данный термин ввел и обосновал Л. Хеймсон (см.: Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15; *Он же*. Рабочее движение и историческое происхождение и характер Февральской революции 1917 г. // Реформы или революция? Россия, 1861–1917: Материалы междунар. colloquium источников. СПб., 1992. С. 131–145).

²⁸ Пушкарева И. М. Была ли альтернатива у «кровавого воскресенья»? // Отечественная история. 2005. № 5. С. 17.

²⁹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1989. С. 280–281.

³⁰ Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917. М., 1982. С. 249.

³¹ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. С. 118.

³² См.: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. С. 184–188; 491, 549–550, 559–567.

³³ См.: *Бойко Т. В.* Рабочие России и культура. Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX в. М., 1997. С. 120.

³⁴ См.: *Алексеев В. В., Побережников И. В.* Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский ист. вестн. 2000. № 5–6. С. 45.

³⁵ *Побережников И. В.* Модели индустриализации в контексте современных теорий развития // Там же. 2003. № 9. С. 337.

³⁶ Там же.

³⁷ Такое определение цивилизационного подхода применительно к России дает А. С. Сенявский (см.: *Сенявский А. С.* Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // Социальные трансформации в российской истории: Докл. междунар. науч. конф., 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; Москва, 2004. С. 95).

³⁸ *Сахаров А. Н.* История России – органическая часть истории человечества (методологические заметки) // Там же. С. 78–79.

³⁹ *Сенявский А. С.* Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.). С. 91.

⁴⁰ Там же. С. 99.

⁴¹ См.: *Бородкин Л. И.* Новые подходы в клиометрике: модели нелинейной динамики в изучении неустойчивых процессов // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II Науч. чтений памяти акад. И. Д. Ковальченко. М., 2000. С. 145–150; *Он же.* Историческая синергетика: антропологический аспект // Ежегодник историко-антропологических исследований. Вып. 1: 2001/02. М., 2002. С. 22–30.

⁴² См.: *Бородкин Л. И.* Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики: синергетический подход // Социальные трансформации в российской истории. С. 28.

⁴³ См.: Там же. С. 30.

⁴⁴ См.: *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992; *Андреев А. Ю., Бородкин Л. И., Левандовский М. И.* История и хаос: новые подходы в синергетике // Сравнительное изучение цивилизаций мира / Под ред. К. В. Хвостовой. М., 2000; *Бородкин Л. И.* Историческая синергетика: антропологический аспект. С. 22–30.

⁴⁵ См.: *Бородкин Л. И.* Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики. С. 38.

⁴⁶ См.: *Егорова Л.* Перспективы развития и использования методов школы исторического краеведения в сфере локальных исторических исследований // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках: Сб. ст. Челябинск, 2003. С. 48; *Гамаюнов С. А.* Местная история: проблемы методологии // Вопр. истории. 1996. № 9.

⁴⁷ См.: *Егорова Л.* Перспективы развития и использования методов школы исторического краеведения... С. 48.

⁴⁸ См.: *Репина Л. П.* Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. С. 11.